

18+
Рита
Вяземская

РАЗВОД
ОСКОЛКИ
ЧУЖОЙ ЛЖИ!

Рита Вяземская

Развод. Осколки чужой лжи!

<https://litres.ru/74543367>

ISBN 9785007130165

Аннотация

Картина, открывшаяся его взору, навсегда выжгла в его сердце остатки человечности.

Его законная жена, утонченная актриса и прима театра и их двадцатипятилетний водитель Денис.

Молодой любовник, испугавшись физической расправы со стороны разъяренного Белова, сдал хозяйку со всеми потрохами:

— Да она со мной уже полгода кувыркается! И не только со мной! До меня у нее был режиссер, а до него — тот турок из отеля, пока ты на своих стройках пропадал! Ты для нее просто кошелек с ушами!

Содержание

ГЛАВА 1. Одиночество на двоих	5
ГЛАВА 2. Чужая боль	13
ГЛАВА 3. Тень сомнения	22
ГЛАВА 4. Пепел и ложь	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Развод. Осколки чужой лжи!

Рита Вяземская

© Рита Вяземская, 2026

ISBN 978-5-0071-3016-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. Одиночество на двоих

Тяжелые дубовые двери районного загса с глухим, окончательным стуком захлопнулись за спиной. Андрей остановился на широком гранитном крыльце, расстегнул верхнюю пуговицу пальто и жадно, до боли в легких, вдохнул сырой осенний воздух.

Все. Теперь он свободен.

Только почему от этой долгожданной свободы во рту стоял горький привкус пепла?

Мужчина медленно поднял воротник и посмотрел вверх. Между серыми монолитами высотных офисных зданий застрял узкий, почти насмешливый лоскут синевы. Там, на головокружительной высоте, вольно кружили птицы, не знающие ни долгов, ни предательства, ни фальшивых клятв. Вот там, в недостижимом небе, была настоящая свобода.

А здесь, у подножия каменных исполинов, ревела бесконечная человеческая суета. По проспекту с визгом проносились автомобили, пешеходы с опущенными головами спешили укрыться от промозглого ветра, каждый отчаянно бежал за своей призрачной птицей удачи.

Андрей горько усмехнулся. Ведь он сам провел в этой бешеной гонке последние пятнадцать лет. Бежал, карабкался, сбивал в кровь кулаки, заключал многомиллионные контракты, возводил жилые кварталы и бизнес-центры. Он со-

здал крупнейшую строительную империю в городе, но за бесконечными сметами, планерками и банковскими счетами не заметил, как из его жизни ушло самое главное.

Любовь.

А была ли она вообще? Или он сам придумал этот сияющий фасад, как привык рисовать красивые архитектурные проекты на чистых листах ватмана?

Память против воли услужливо вернула его на десять лет назад.

Они познакомились на шумной, пропахшей дорогим табаком и шампанским богемной вечеринке. Ему едва перевалило за двадцать семь: начинающий, голодный до больших проектов бизнесмен в дешевом, но тщательно отутюженном костюме. Она — двадцатидвухлетняя второкурсница театрального института, тонкая, с фарфоровой кожей, водопад медовых волос и огромными, вечно распахнутыми глазами, в которых читалась жажда славы.

Между ними вспыхнуло мгновенно. Андрею казалось, что в его размеренную, сухую жизнь ворвался ослепительный вихрь. Наташа смеялась, цитировала Чехова, заглядывала ему в рот и клялась, что видит в нем невероятную силу.

Свадьбу сыграли уже через полгода. Андрей, привыкший считать каждую копейку и вкладывать прибыль в оборотные средства, мечтал о скромном торжестве за городом, среди близких друзей. Но разве мог он перечить своей маленькой фее? Наташа со слезами на глазах повторяла, что девочка из

провинции всю жизнь ждала сказки, белого платья со шлейфом от французского дизайнера и банкета в лучшем ресторане с хрустальными люстрами. Андрей залез в долги, взял кабальный кредит, но сказку ей подарил.

А потом захлопнулись двери семейного быта, и декорации сменились.

Андрей наивно представлял себе уютный дом: вечерний свет торшера, теплый ужин, неторопливые разговоры о прожитом дне, желанную нежность в спальне. Реальность оказалась ледяным душем. Наташа сутками пропадала в театре, репетировала сомнительные антрепризы, а выходные проводила в закрытых клубах с режиссерами, операторами и столличными критиками.

Дома его встречали пустой холодильник, горы нераспакованных коробок из бутиков и вечная, звенящая пустота. На любые робкие упреки мужа Наташа театрально заламывала тонкие пальцы:

— Андрюша, ты мыслишь как мещанин! Искусство требует жертв! В нашей профессии нельзя сидеть клушей у плиты. Мне нужны связи, нужен сильный продюсер, полезные знакомства! Ты ведь пока не можешь оплатить мне главную роль в полном метре? Не можешь! Так почему ты тянешь меня на дно своей унылой бытовухой?

Были и скандалы, и слезы, и битая посуда. Но стоило Наташе сменить гнев на милость, подойти сзади, обнять его за плечи и прошептать в шею: «Андрюшенька, потерпи, скоро

все изменится, мы же команда», — как его мужское сердце таяло. Он безумно любил эту избалованную, капризную девочку. А еще, чего греха таить, в душе порой шевелились ядовитые нотки мужского тщеславия, когда на редких светских приемах влиятельные чиновники и банкиры сворачивали шеи, глядя на его ослепительную спутницу. Да, шептал внутренний голос, смотрите. Эта королева принадлежит мне.

Прошло еще несколько лет. Дела строительной компании «Белов Групп» стремительно пошли в гору. Андрей работал по двадцать часов в сутки, зубами вырывал государственные подряды, нашел надежных инвесторов. Деньги потекли рекой.

Теперь Наталье больше не нужно было унижаться перед продюсерами в поисках финансирования. Андрей сам оплачивал ее прихоти. Он спонсировал громкие театральные постановки, выкупал для нее роли в прайм-таймовых телевизионных драмах, нанял персонального пиар-агента. Наташа блистала на обложках местных журналов, давала интервью о тяжелом актерском труде, а Андрей с готовностью подписывал новые и новые счета.

Они переехали в роскошный трехэтажный особняк в элитном пригороде. Высокий забор, ландшафтный парк, штат вышколенной прислуги — от горничной до повара, машины представительского класса.

Жизнь казалась картинкой из глянцевого журнала, но в

стенах этого дворца Андрей задышался.

Ему отчаянно, до физической боли под ребрами, не хватало детей. Он мечтал учить сына забивать гвозди и играть в футбол на газоне, мечтал кружить на руках маленькую дочку, слышать топот детских ножек по дорожному паркету.

Но когда он впервые завел об этом серьезный разговор, Наташа лишь рассмеялась:

— Дети? Андрюш, ты с ума сошел? Мне только двадцать восемь! Тело потеряет форму, лицо поплывет, я выпадну из обоймы минимум на два года. Режиссеры забудут мое имя! Давай чуть позже. Вот снимусь в том историческом сериале, закреплю успех, и сразу родим. Честное слово!

Он верил. Терпел и ждал. Но шли годы: двадцать девять, тридцать один, тридцать три... Когда их браку стукнуло десять лет, терпение Андрея лопнуло. Легкое недоумение давно сменилось глухим раздражением, а затем переросло в холодную, колючую ярость. Жена не просто откладывала материнство — она бежала от него, как от чумы.

— Хватит, Наташа, — жестко произнес Андрей в один из редких вечеров, бросив папку с документами на мраморный столик гостинной. — Мне сорок. Тебе тридцать пять. Сколько еще я должен слушать сказки про твои великие роли? Или мы прямо сейчас идем к врачам и планируем ребенка, или завтра мои юристы готовят документы на развод.

Ультиматум подействовал отрезвляюще. Испугавшись потерять статус жены строительного магната и доступ к без-

лимитным кредитным картам, Наталья согласилась.

Полгода безуспешных попыток не дали никакого результата.

Андрей настоял на полном обследовании в лучшем центре репродуктивной медицины. Вердикт заведующего отделением прозвучал в тишине стерильного кабинета как смертный приговор:

— Мне крайне тяжело вам это сообщать, Андрей Сергеевич, но беременность вашей супруги исключена в принципе. Полная непроходимость и органическое поражение маточных труб, обширные спаечные процессы малого таза, истощение эндометрия. Судя по клинической картине, это последствия грубого, криминального прерывания беременности на позднем сроке, проведенного много лет назад вне стационара.

Андрей замер. Земля ушла из-под ног, в ушах зазвенело. Дома, загнанная в угол медицинскими фактами, Наталья наконец разрыдалась и призналась: в семнадцать лет, еще в десятом классе, она забеременела от школьного хулигана. Боясь гнева родителей и позора на весь поселок, пошла к какой-то местной знахарке-акушерке. Чуть не умерла от кровотечения, но факт скрыла.

Андрей сидел в темноте своего кабинета, сжимая виски ледяными пальцами, и чувствовал, как рушится его мир. Он не судил ее за ошибку незрелой юности — подростковая глупость может случиться с каждым. Но десять лет лжи...

Десять лет она смотрела ему в глаза, кормила обещаниями «скоро-скоро», зная, что физически не способна подарить ему ребенка!

И все же он попытался спасти их семью.

— Медицина ушла вперед, — глухо сказал он жене на следующий день. — Мы пойдем на ЭКО. Если нужно, полетим в Германию, в Израиль. Мы вытащим этот шанс.

Андрей загорелся этой надеждой, нашел лучших эмбриологов. А Наталья с каждым днем становилась все мрачнее. Разговоры о гормональной стимуляции вызывали у нее панический ужас.

Именно она первой завела разговор о другой женщине.

— Андрюша, ты просто не понимаешь, на что меня толкаешь, — шептала она ночью, обвивая его шею холодными руками и роняя слезы ему на грудь. — Врачи сказали, что вероятность успеха после подсадки — пятьдесят на пятьдесят. Это значит месяцы чудовищных доз гормонов. Я покроюсь пятнами, наберу тридцать килограммов, стану отекающей, больной бабой под центнер весом! Моя карьера будет уничтожена навсегда. Но главное — ты сам перестанешь меня желать! Ты разлюбишь меня, Андрюша!

— Наташа, что за бред? Я люблю тебя, а не твой сценический образ!

— Это ты сейчас так говоришь, пока я красивая и желанная! — истерично всхлипывала жена. — Суррогатное материнство — единственный выход. Твоя сперма, моя яйце-

клетка. Ребенок будет абсолютно нашим, родным по крови! Просто выносит его здоровая деревенская девочка, для которой это способ заработать. Пожалуйста, пощади меня, не делай из меня калеку...

Андрей сдался. Не потому, что боялся изменений в ее внешности, — он искренне верил, что сможет любить ее любой. Он просто не мог видеть ее слез и не хотел подвергать жену физическим страданиям.

Они открыли базы данных агентств, даже не подозревая, что этот шаг станет началом страшной трагедии, которая сломает несколько жизней и отнимет у Андрея пять лет счастья.

ГЛАВА 2. Чужая боль

Поиски суррогатной матери превратились для Андрея в отдельный круг ада. Элитное репродуктивное агентство, куда они обратились по совету столичных врачей, предоставило увесистые каталоги в глянцевых кожаных переплетах. Сотни анкет, десятки параметров: группа крови, фенотип, отсутствие генетических патологий, психологическая устойчивость, наличие собственных здоровых детей.

Наталья листала эти страницы с брезгливым выражением лица, будто выбирала породистую лошадь на аукционе или дорогую сумочку в миланском бутике.

— Эта слишком скуластая, у ребенка может быть грубый овал лица, — капризно морщила она напудренный носик. — А у этой губы тонкие, явно злая баба. Андрюша, ты только посмотри на них! Обычные меркантильные хищницы. Представляешь, сколько они запросят сверх контракта, когда поймут, кто биологический отец?

Андрей молчал, перелистывая страницы собственного экземпляра. Ему было не по себе от этого циничного торга. Женщины в каталоге улыбались отрепетированными, пластмассовыми улыбками, их видеовизитки казались заученными наизусть текстами из телемагазина. Он искал не идеальные скулы, а душу. Человека, которому можно было без страха доверить самое сокровенное — жизнь их будущего сына.

Анкету Марии Савельевой он нашел случайно, когда стопка отвергнутых кандидатур уже грозила рассыпаться по столу.

На скромной любительской фотографии на него смотрела совсем молодая девушка. Простое, чистое славянское лицо без грамма косметики, светло-русые волосы, заплетенные в аккуратную тяжелую косу, и огромные, серые, как предрасветное небо, глаза. Но главное — в этих глазах застыла такая немая, нечеловеческая тоска и материнская боль, что у Андрея сжалось сердце.

Двадцать четыре года. Родом из далекой глухой деревни Даниловка. В городе снимает койко-место, работает парикмахером-универсалом в спальном районе. Рост, вес, показатели здоровья — идеальные. Есть четырехлетняя дочь Настя.

— Мы встретимся с ней, — твердо произнес Андрей, захлопывая папку.

Наталья лишь фыркнула, но спорить не стала.

Первая встреча состоялась в переговорной комнате агентства. Маша пришла в чистом, но заметно застиранном ситцевом платице и стоптанных туфлях. Она сидела на самом краешке глубокого кожаного кресла, судорожно вцепившись побелевшими пальцами в ремешок дешевой дерматиновой сумочки, и вздрагивала от каждого стука каблучков за дверью.

Когда Наталья, шурша шелковым комбинезоном и окуты-

вая комнату удушливым шлейфом селективного парфюма, надменно уселась напротив, девушка окончательно сжалась, словно воробышек перед ястребом.

— Ну что ж, Мария, — холодно начала Наталья, оглядывая сироту с головы до ног. — Надеюсь, вы понимаете всю серьезность ситуации? Мы люди статусные, известные. Никаких капризов, никаких претензий после родов. Вы отдаете ребенка сразу после появления на свет, подписываете отказные документы, получаете свой гонорар и навсегда забываете наш адрес.

Маша медленно подняла глаза. В ее взгляде не было ни вызова, ни заискивания — только тихая, несокрушимая стойкость отчаявшейся матери.

— Мне не нужны лишние деньги, — тихо, но удивительно твердо произнесла она, глядя прямо на Андрея. — И слава ваша мне не нужна. Я знаю, что по контракту этот ребеночек будет полностью вашим. Я на все условия согласна. Если бы не моя Настенька... я бы в жизни в этот город не поехала.

Андрей подался вперед, положив ладони на стол:

— Расскажите о вашей дочери, Маша. Что с ней?

Наталья раздраженно закатила глаза, но Андрей жестом пресек ее попытку вмешаться. И Маша заговорила. Голос ее поначалу подрагивал, но постепенно наполнился той особой силой, которая бывает только у женщин, готовых ради своих детей пойти на костер.

Она родилась и выросла в Даниловке. Отец бросил их с

матерью, когда Маше едва исполнилось шесть лет — просто собрал чемодан и растворился на бескрайних просторах страны, не оставив ни копейки алиментов. Всю жизнь ее тянула одна мама, Антонина Степановна, надрываясь в местном совхозе на дойке.

Ее первой и единственной любовью стал одноклассник Костик. Они мечтали о свадьбе сразу после выпускного бала, строили планы, но парня призвали на срочную службу. Маша обещала ждать. А через месяц после его отъезда поняла, что носит под сердцем его ребенка.

— Мы так радовались с мамой, — шептала Маша, и в уголках ее глаз блеснули слезы. — Костик писал из части каждую неделю, говорил: «Вернусь, распишемся, дом свой поставим». А потом его роту перебросили в горячую точку. Настенька родилась здоровенькой, крепенькой... А в день, когда нас с дочкой выписывали из районного роддома, пришла похоронка. Костя погиб при исполнении воинского долга. Мать его, которая одна его вырастила, через неделю после похорон прямо на его могилке от разрыва сердца и упала. Насмерть.

Андрей почувствовал, как к горлу подкатил тяжелый ком. Он посмотрел на профиль этой хрупкой девочки и с ужасом осознал, сколько горя обрушилось на ее плечи в таком возрасте.

Но главный удар судьба приберегла на потом.

Когда маленькой Насе исполнилось три года, девочка

стала внезапно синеть при малейшей физической нагрузке, задыхаться и терять сознание. Обследование в областной детской больнице выявило сложный врожденный порок сердца — критический стеноз аортального клапана.

— Врачи сказали прямо: без полостной операции на открытом сердце дочка не доживет до десяти лет, — Маша судорожно сглотнула, кулаки ее задрожали. — Государственную квоту ждать годами, а у Насти времени — считанные месяцы. Клапан разрушается. Кардиохирурги в Москве готовы провести срочную коррекцию, но цена... Баснословная сумма. В нашей деревне таких денег за всю жизнь не заработать. Да и в городе парикмахером мне сто лет копить. Я обошла все фонды, везде отказы или очереди. Суррогатное материнство — мой единственный шанс спасти ребенка. Пожалуйста, поверьте мне. Я выполню все, что скажет врач. Рожу вам здорового богатыря. Только спасите Настю...

Она замолчала, опустив голову. В переговорной повисла звенящая тишина.

— Какая слезливая мелодрама, — насмешливо протянула Наталья, поправляя бриллиантовое кольцо на пальце. — Андрюша, они все в агентстве сочиняют подобные сказки, чтобы разжалобить клиентов и выбить аванс. По правилам деньги выплачиваются частями: треть после подтверждения беременности, остальное — после передачи младенца и подписания документов.

Андрей резко поднялся с кресла. Его лицо потемнело от

глухого гнева на цинизм собственной жены.

— Довольно, Наталья, — отрезал он металлическим голосом. Он повернулся к замершей в ужасе девушке: — Маша, завтра утром вы привезете мне все медицинские выписки Насти и банковские реквизиты клиники.

На следующий день, вопреки категорическим протестам юристов агентства и бешеным упрекам Натальи, Андрей перевел полную стоимость сложнейшей кардиохирургической операции напрямую на расчетный счет детского центра имени Бакулева.

Маша стояла посреди его роскошного кабинета, держа в руках подтверждение банковского перевода с синей печатью, и рыдала навзрыд, закрыв лицо ладонями. Она опустилась на колени, пытаясь поцеловать край его стола, но Андрей вовремя подхватил ее под локти, бережно подняв на ноги.

— Перестаньте, Маша. Вы спасаете своего ребенка. Я лишь помогаю случиться справедливости. Теперь вы должны беречь себя.

Операция четырехлетней Насти прошла успешно. Хирурги совершили чудо, восстановив функцию клапана. Девочку выписали под опеку счастливой, плачущей от благодарности бабушки Антонины Степановны в Даниловку. А Маша, выполняя условия договора, переехала в загородный особняк Беловых.

Ей выделили просторную, светлую комнату в гостевом крыле второго этажа с видом на вековые сосны.

Процедура оплодотворения и переноса эмбриона, проведенная в частной клинике, увенчалась полным успехом с первой же попытки. Через две недели тесты показали долгожданные две полоски, а ультразвуковое исследование подтвердило: эмбрион надежно закрепился в матке.

Мальчик. У Андрея должен был родиться долгожданный сын.

Маша относилась к своему состоянию как к священному долгу. Она скрупулезно, по часам принимала назначенные фолиевую кислоту и витамины, строго соблюдала белковую диету, часами неторопливо гуляла по дорожкам парка, кутаясь в пуховый платок, и вечерами слушала через наушники Моцарта и Вивальди.

Для Андрея этот период стал временем невероятного душевного подъема. Возвращаясь из офиса или с пыльных строительных площадок, он первым делом поднимался по широкой лестнице на второй этаж.

— Добрый вечер, Машенька, — мягко улыбался он, осторожно присаживаясь в глубокое плетеное кресло у окна. — Как вы себя чувствуете? Как наш боец?

— Здравствуйте, Андрей Сергеевич, — девушка робко улыбалась в ответ, и ее бледные щеки заливал нежный румянец. — Все хорошо. Сегодня толкался перед обедом, когда повариха Галина Дмитриевна яблочный пирог испекла. Врач сказал, сердечко бьется ритмично, сто сорок ударов в минуту. Растем по графику.

Андрей слушал ее тихий, размеренный голос, и тяжесть трудового дня волшебным образом растворялась. Рядом с этой простой, искренней деревенской девушкой он чувствовал настоящий, первозданный покой. Порой, робея как мальчишка, он спрашивал разрешения положить ладонь на ее растущий живот. И когда под его широкой мужской ладонью отзывался упругий, крошечный толчок его нерожденного сына, дыхание Андрея перехватывало, а в глазах стояли слезы безграничного счастья.

Но за идиллией в гостевом крыле неотрывно следили другие глаза — холодные, прищуренные и полные ядовитой злобы.

Наталья не могла не замечать этих перемен. Поначалу она старалась сохранять маску снисходительного безразличия, но с каждым месяцем беременности Маши ее раздражение росло, превращаясь в глухую, разрушительную ненависть.

— Андрюша, ну сколько можно торчать у сурмамы? — капризно протянула она однажды вечером, бесшумно появившись на пороге комнаты и повиснув на его руке. — Ты ведешь себя так, будто она твоя законная жена! Хватит доставать девчонку своими глупыми расспросами про гемоглобин и шевеления. Пусть спит. Пойдем вниз, я заказала суши, и нам нужно утвердить бюджет моей новой фотосессии для глянца.

Она увлекла мужа за собой, бросив на Машу через плечо такой ледяной, уничтожающий взгляд, что у беременной де-

вушки захолонуло сердце.

Никто в особняке еще не знал, что до страшной развязки оставались считанные недели.

ГЛАВА 3. Тень сомнения

К концу седьмого месяца беременности живот Маши заметно округлился. Она ходила неторопливой, плавной походкой, инстинктивно придерживая поясницу маленькой ладонью и словно прислушиваясь к каждому движению внутри себя.

В доме Беловых воцарилось хрупкое, обманчивое затишье. С одной стороны, особняк наполнялся предвкушением чуда: в светлой угловой комнате на втором этаже уже начали собирать резную колыбель из беленого дуба, завезли тюки с тончайшими пеленками и крошечными распашонками из органического хлопка. С другой — воздух между Натальей и обитателями дома сделался настолько густым и ядовитым, что его, казалось, можно было резать ножом.

Наталья практически перестала выходить к общему столу. Она запиралась в спальне, демонстративно глушила шампанское и часами разговаривала по телефону с театральными подругами, громко сетуя на то, что ее роскошный дом превратили в провинциальный родильный приют.

— Ты посмотри, как эта деревенщина на тебя смотрит! — шипела она Андрею по ночам, впиваясь ногтями в его плечи. — Она уже возомнила себя здесь хозяйкой! Ходит по комнатам, улыбается прислуге, а Светка с Галиной Дмитриевной перед ней на цыпочках скачут. Забыли, кто в этом доме за-

конная госпожа! Ты слепой, Андрей? Она окручивает тебя прямо у меня под носом!

— Наташа, прекрати нести чушь, — устало выдыхал Андрей, отворачиваясь к стене. — Девушка вынашивает нашего ребенка. Она ведет себя скромно и с достоинством. В чем ты ее обвиняешь? В том, что она пьет витамины и гуляет в парке?

— Она метит на мое место! — яростно шептала актриса в темноту. — Но я не позволю какой-то нищенке разрушить мою жизнь...

Андрей списывал эти приступы на банальную женскую ревность и нервное истощение. Он и помыслить не мог, в какую бездну расчетливой жестокости способна заглянуть его супруга.

Гром грянул в конце октября.

На генеральном объекте «Белов Групп» в соседнем промышленном регионе — масштабном строительстве крупного торгового комплекса — произошло чрезвычайное происшествие. Из-за ошибки субподрядчиков просела несущая колонна перекрытия второго яруса. Возникла реальная угроза обрушения конструкций. Технадзор грозил остановкой лицензии и возбуждением уголовного дела, требовалось немедленное личное вмешательство Андрея.

— Мне придется уехать на два-три дня, — сказал он за завтраком, проверяя билеты и папку с проектной документацией. — Объект сложный, нужно лично провести экспер-

тизу и успокоить инспекцию.

Маша, сидевшая напротив с чашкой теплого травяного чая, тревожно подняла на него глаза:

— Андрей Сергеевич... может быть, не стоит сегодня? Сердце что-то со вчерашнего вечера не на месте, ноет. Как будто беда какая-то бродит рядом.

— Не выдумывай глупостей, Машенька, — мягко, по-отечески улыбнулся Андрей, поднимаясь из-за стола. — Обычная смена погоды, циклон идет. Береги себя и нашего богатыря. Гуляй только в саду, далеко за ограду не выходи. Я вернусь в четверг к вечеру и привезу тебе алтайского меда, ты ведь просила.

Наталья, спустившаяся в шелковом халате, стояла в дверях столовой. На ее губах играла странная, холодная полуулыбка, которая на мгновение резанула Андрея по глазам, но в суматохе сборов он не придал этому значения.

— Счастливого пути, дорогой, — сладко пропела жена, подставляя накрашенную щеку для дежурного поцелуя. — Решай свои важные дела. Мы тут как-нибудь справимся без тебя.

Около восьми вечера того же дня Андрей стоял на продуваемой ледяным ветром стройплощадке, споря с инженерами над развернутыми чертежами. Внезапно в кармане загремел мобильный. На дисплее высветилось имя Натальи.

Он нажал на прием, собираясь сказать, что освободится только через час, но из динамика донеслись душераздираю-

щие, захлебывающиеся рыдания:

— Андрюша... Андрюшенька! Господи, какой кошмар... Ее нет! Она пропала!

Земля мгновенно ушла из-под ног Белова. Строительный шум, крики рабочих, свист ветра — все исчезло, сменившись гулкой пустотой в висках.

— Наташа! Замолчи и дыши! — рывкнул он в трубку. — Кто пропал? Маша?! Что случилось?!

— Я... я не знаю! — рыдала жена с неподдельным, казалось, ужасом. — После обеда она оделась, сказала, что вызовет такси и поедет в торговый центр, купить какую-то особенную распашонку... Я ее останавливала, кричала, умоляла дождаться нашего водителя! Но она нагрубила мне, хлопнула дверью, села в какую-то старую машину у ворот и уехала! Прошло пять часов! Ее телефон выключен! В клинике ее нет! Андрюша, мне страшно!

— Я выезжаю, — глухо бросил Андрей и сбросил вызов. Бросив объект на главного инженера, он прыгнул за руль внедорожника. Дорога домой сквозь глухую ночную морось превратилась в сущий кошмар. Четыреста километров раскисшей от дождя трассы, слепящий свет встречных фур, черная бездна впереди. Андрей давил на педаль газа, сжимая руль до хруста в костяшках пальцев, и без конца читал про себя единственную молитву, которую помнил с детства. Только бы жива. Только бы успеть.

В особняк он влетел около трех часов ночи.

Дом гудел. В гостиной сидела зареванная горничная Светлана, повариха Галина Дмитриевна капала корвалол в стакан, а Наталья в черном кашемировом свитере лежала на диване с мокрым полотенцем на лбу.

— Мы обзвонили все больницы, травмпункты, морги, — дрожащим голосом доложила Светлана. — Нигде беременных без документов или по скорой не поступало.

Остаток ночи Андрей провел за рулем, медленно объезжая прилегающие к поселку шоссе, пустыри и придорожные кафе. Безрезультатно.

Развязка наступила следующим утром в одиннадцать часов.

В ворота усадьбы въехал служебный уазик районного отдела полиции. Из машины тяжело выбрался капитан юстиции Сорокин — помятый, с кругами под глазами следователь, которого Андрей шапочно знал по согласованию строительных объектов.

Они прошли в кабинет. Следователь молча достал из кожаной папки прозрачный пакет с вещественными доказательствами и опустил его на дубовый стол.

Внутри лежали оплавленные металлические пуговицы, обгоревшие наручные часы на тонком ремешке и чудом уцелевший уголок паспорта с фрагментом герба и читаемыми буквами фамилии: «...вельева Мария...».

— Двадцать километров по старой ветке объездной дороги, в районе заброшенного карьера, — глухим голосом про-

изнес капитан. — Старая «Лада» на высокой скорости вылетела с моста в овраг, врезалась в бетонную опору. Взрыв газового баллона. Машина выгорела дотла за считанные минуты.

— А... водитель? — разжимая окаменевшие челюсти, выдавил Андрей.

— Водителя в салоне не было. Скорее всего, успел выбить заклинившую дверь и выскочить в момент первого удара, а потом в состоянии шока или испугавшись ответственности сбежал в лесополосу. Сейчас прочесываем местность с собаками. В салоне на заднем сиденье обнаружен обгоревший женский труп. Поздние сроки беременности, характерные анатомические признаки... Сумочка лежала рядом, вот этот угол паспорта от огня закрыло телом.

В морге районной судмедэкспертизы стоял удушливый, въедливый запах формалина и гари.

То, что лежало на металлическом столе под серой простыней, не напоминало человека. Андрей стоял, держась за холодную кафельную стену, чувствуя, как ледяная волна тошноты подкатывает к горлу. Оpoznать обугленные останки визуально было невозможно.

В секционную тихо вошла Наталья. Лицо ее было бледным, глаза покраснели от слез. Когда судмедэксперт пинцетом поднял со стола оплавленную золотую цепочку с простым серебряным крестиком, найденную среди пепла, Наталья истошно вскрикнула и закрыла лицо руками:

— Это ее крестик! Господи... Я сама видела его у нее на шее, когда она собиралась! Это Маша... Андрюша, уведи меня отсюда, я сейчас упаду!

Она без чувств осела на руки мужа.

Для Андрея наступили дни крошечного мрака. Он был раздавлен. Все мечты о сыне, все светлые надежды, чувство вины перед этой беззащитной девушкой, которую он не уберег, сплелись в один тяжелый, удушающий узел.

И тут, словно по дьявольскому замыслу, на его телефон обрушился шквал звонков из прокуратуры соседней области. На том самом аварийном объекте рухнули строительные леса, покалечив двух рабочих. Требовалось немедленное личное присутствие генерального директора под угрозой ареста счетов и взятия под стражу.

— Езжай, Андрюшенька, — шептала Наталья, глядя его по осунувшемуся лицу ледяными ладонями. — Я все сделаю сама. Я найму лучшую ритуальную службу, закрою все вопросы с полицией. Тело Машеньки в закрытом гробу отвезут в ее родную Даниловку, матери я передам деньги на достойные похороны и поминки. Я все возьму на себя, ты только спаси компанию!

Андрей посмотрел на жену глазами, полными слепой благодарности. В тот страшный миг она казалась ему единственной опорой, верным и сильным ангелом-хранителем.

Он уехал. Вернувшись через неделю после бесконечных допросов и урегулирования убытков, Андрей вошел в пу-

стой, холодный особняк. Дело о гибели в ДТП следователь Сорокин уже передал в архив за неустановлением личности водителя и отсутствием состава преступления, а Наталья с кристально чистыми глазами доложила, что гроб с телом Маши благополучно доставлен в Даниловку и предан земле.

Андрей не знал, что под слоем пепла и официальных протоколов скрывалось чудовищное преступление, а его живой сын прямо сейчас делает свой первый вдох за сотни километров от него.

ГЛАВА 4. Пепел и ложь

Первые месяцы после трагедии особняк Беловых напоминал склеп. Андрей часами бродил по пустым комнатам, замирая у запертой двери гостевого крыла. Там, за белым дубовым полотном, все еще стояла нераспакованная деревянная колыбель, а на подоконнике лежали стопки пеленок, которым так и не суждено было согреть его сына.

Мужчина сам не мог объяснить того странного, щемящего чувства, которое поселилось в его груди. Он тосковал не только по нерожденному наследнику — ему мучительно, до спазмов в горле не хватало самой Маши. Ее тихой, застенчивой улыбки, певучего голоса, трогательной заботы о животе, чистого и ясного взгляда серых глаз. Казалось, вместе с этой кроткой деревенской девушкой из дома ушла сама жизнь, оставив после себя лишь холодную позолоту да мертвый мрамор.

Наталья же вернулась к привычному ритму с пугающей легкостью. Уже через две недели после так называемых похорон она примеряла новые наряды, заказывала шампанское ящиками и щебетала по телефону о предстоящих театральных гастролях.

— Какое счастье, что этот кошмар закончился, — бросила она однажды за ужином, небрежно ковыряя вилкой салат из рукколы. — Жаль только, что столько денег спустили в

трубу. Могли бы на эти миллионы купить мне главную роль в полном метре у Серебренникова.

Андрей медленно поднял на нее тяжелый, налитый свинцом взгляд.

— Деньги не ушли в трубу, Наташа. Мы спасли маленькую девочку, дочку Маши. Хотя страшно даже подумать, какой чудовищной ценой это спасение обошлось.

Наталья звонко, фальшиво рассмеялась:

— Ой, Андрюша, ты стал просто невыносимо сентиментальным! Прямо святой отец из богадельни. Давай забудем все это как дурной сон и будем жить дальше.

И Андрей попытался. Работа стала для него единственным спасительным обезболивающим. Он брал самые сложные объекты, лично контролировал заливку бетона, пропадал на совещаниях до полуночи.

Прошло три года. Время притупило острую боль, затянув рану грубой коркой, но пустота никуда не исчезла.

Андрею исполнилось сорок лет. Возраст, когда мужчина острее всего начинает осознавать конечность бытия и необходимость оставить после себя продолжение. Наталье приближалось к тридцати восьми.

— Нам нужно попробовать снова, — твердо сказал Андрей в один из редких совместных вечеров. — Медицина шагнула вперед. Мы найдем новую суррогатную мать, поселим ее в лучшем швейцарском перинатальном центре, наймем личную охрану, ни на шаг ее не отпустим. Наташа, нам

нужны дети. Часики тикают. Еще пара лет — и будет поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.